

Из фронтовых разведчиков

До мельчайших деталей памятен Михаилу Кирилловичу Семенову день, когда в военном госпитале Томска разнеслась весть о Победе. Вместе с другими ранеными ей радовался и он - восемнадцатилетний фронтовик. По возрасту - почти мальчишка, а по выпавшим испытаниям - мужественный боец. И хотя прошло с той поры 68 лет, каждый год с победными звуками марша он возвращается в ту первую весну Великой Победы, в наступлении которой был и его личный вклад...

Ах, как же хорош был родной довоенный Ленинград! И как можно не замечать его великолепия и не радоваться жизни в четырнадцать лет. Когда дома - дружные отец и мать, оба из рабочей гвардии - заводчане, подрастают младшие сестра и брат, уютно хлопочут по хозяйству бабушка. Будущее юному слушателю механического училища рисовалось вполне ясным - завершить учебу, пойти по рабочим стопам родителей, набраться профессионального опыта. Однако над этими безоблачными планами черной тучей нависла война, вероломно связанный фашистской Германией.

Грозная весть неслась из репродуктора. Она вмог изменила мирный город и ленинградцев. Как настоящий коммунист, отец Михаила прямо с завода отправился на призывной пункт. Сын так и не увиделся с ним больше, в день, когда тот пришел попрощаться с семьей, мальчишка вместе с другими подростками рыл оборонительные окопы. А зимой 1942 года пришло извещение о том, что Кирилл Семенов пропал без вести.

Враг наступал стремительно. В начале сентября 1941 года с взятием немцами Шлиссельбурга кольцо вокруг гордого и мужественного города на Неве сомкнулось. Первая же блокадная зима выдалась морозной. Ленинград выживал без тепла, света, продовольствия. Наступило время, когда хлебная пайка по продуктовым карточкам составила 125 граммов на человека. Из чего он делался, хорошо знала мама Михаила. На их перепрофилированном заводе бумагу сначала обливали кислотой, варили около суток, а затем отправляли на хлебозавод. К такому вот бумажному хлебу добавлялся в самые страшные дни студень из клея, выварки из кожи. «Люди на улицах лежали везде, - вспоминает ветеран. - Бывало, идешь и видишь, как падает человек, он уже мертв, но сил поднять и перевезти его нет. Это очень страшно». В ночь на новый, 1942-й год, тихо скончалась в их квартире бабушка. Все что смогли они сделать, это обернуть ее в простыни и отвезти на специальный

пункт. Точнее, в последний путь родного человека провожал один Михаил, он берег силы матери, заботился о ней как мог. А еще о своем полупустом, холодном доме и его страдающих жителях, когда поднимался на крышу стаскивать зажигательные снаряды в часы артналетов фашистов.

Лишь в августе 1942 года по Дороге жизни они были эвакуированы в Ярославскую область. По пути их спасали на станциях от истощения и цингисынной едой и еловым отваром. На новом месте, едва наевшись, пятнадцатилетний парень отправился на заготовку леса. А спустя год, по осени, только что отметившего семнадцатилетие Михаила призвали в армию. Несколько месяцев их полк формирова-

ли, как говорит фронтовик, под знамя. Мало кого в живых осталось от предыдущего, пополнялся его новый состав пришедшими с госпиталей воинами, бывшими лагерниками, безусыми мальчишками. Только в начале весны 44-го их посадили в вагоны и отправили на фронт. Солдатская судьба не просто дала Михаилу Кирилловичу шанс отомстить за отца, родную страну, она позволила увидеть поражение ненавистного врага у стен любимого, непокоренного города. В составе Волховского фронта он принял участие в заключительной операции советских войск по снятию блокады Ленинграда. В рядах фронтовой разведки солдат затем освобождал от фашистской «коричневой чумы» территории Прибалтики, Польши, Восточной Пруссии.

Их разведывательной группе не раз приходилось орать «языка», ликвидировать небольшие формирования противника, оставшиеся от основных войск. «Ты стрелял, в тебя стреляли, - вспоминает ветеран, - смерть обманывали ежедневно. Хорошо, что в команде были опытные солдаты, нас, двоих молодых, они обучали всему». Опасностей подстерегало много. Местность приходилось преодолевать болотистую, чуть зазеваешься, затягивало в трясину быстро. «Кукушки», как называли немецких снайперов, чтобы не выдавать себя, били с деревьев в спину. Эта невидимая угроза каждый раз щекотала нервы и заставляла быть ежесекундно настороже. В освобожденных прибалтийских и польских селах ждала другая беда - заминированные дома, отравленные колодцы. Тем не менее, разведка выполняла задания на совесть. Так, в один из дней, награждая орденом Славы третьей степени, командование благодарило за «языка» с высоким чином.

Так бы и продолжал идти разведчик Семенов на Берлин, если бы не тяжелое ранение, случившееся на территории Восточной Пруссии 25 февраля 1945 года. Насквозь пробитую ногу «латали» сначала на месте, потом в сибирском военном госпитале. Все эти годы она напоминает о себе, не давая забыть о пережитом. Хотя и память в запас не уходит. Да и как можно вычеркнуть из нее ужасы голодного Ленинграда, горе обездоленных людей, погибших однополчан. Миллионы жертв оставила после себя кровопролитная война - самая жестокая в истории человечества. Хочется верить ветерану, что потомки сохранят светлую память о славных защитниках Родины, ценою жизни вернувших мир на нашу землю.

О.Анкаleva